

Известно: соловья баснями не кормят. Поелику соловей сам себе басня. Окружённая, точно башня, многоколенными побасёнками. Однако не всякий соловей — профессор. И даже профессор мгимо. Посему, ежели соловья баснями не кормят, то уж Соловья (оказывается, так причудливо склоняются мужские фамилии подобной пернатости) — тем паче. Начитавшись его книги «Кровь и почва русской истории», я было попробовал прикормить — щегольнув ассоциативным, пастернаковским: «И тут кончается искусство, и дышат почва и судьба». Прикормить с тонким намёком, что профессор мгимо предпочёл расплывчатому понятию судьбы загадочное — кровь. А он мне — раз! — свой профессорский резон:

— Нет, я с Пастернаком не полемизировал! Это уже результат вашего культурного багажа.

Вроде как похвалил. Но и одновременно щёлкнул по носу. И тут же — про демона, или, говоря языком Сократа, некоего внутреннего даймона, который движет человеком:

— И на этом бессознательном уровне письма (как человек пишущий, вы это хорошо знаете) помимо нашего желания возникают невольные переключки, аллюзии, реминисценции и тому подобные вещи. . .

В общем, мой нынешний визави изящно осадил, утёр нос Сократом. Даром, что ли, отсидел судейский срок в телепроекте Юрия Вяземского «Умники и умницы»? Впрочем, русское наречие «изящно», как и французское существительное «визави», подходят Валерию Дмитриевичу, будто его галстук-бабочка. Этакий, если немножко отлистать память, аристократичный музыковед и телеведущий Станислав Бэлза, только — вот контраст! — по-соловьиному изъясняющийся не о тайнах нотного стана, а о русском народе.

— Валерий Дмитриевич, когда в «Литературной газете» была открыта рубрика «Неразрешённый вопрос», я обратил внимание на совместную с вашей сестрой Татьяной Соловей статью. Называлась она с провокационной задоринкой: «Чего не хотят русские?» Вы там по-родственному счищали многовековую священную ржавчину. Цитирую: «...равнодушный ко всем материальным благам, братолюбивый, общинный, богобоязненный

и т. д. народ». Но далее: «Очень сомневаемся, что русские и в прошлом когда-нибудь были такими, как их воображают некоторые народолоубцы». Помню, меня задело не столько это перечёркивание, сколько последующий посыл относительно русских: «Ничтоже сумняшеся, произнесём кощунственное: русские — вполне буржуазный и обычный европейский народ, мечты, надежды и желания которого — самые что ни на есть буржуазные и обычные». Вы сами-то не напоминаете себе тореадора, кинувшегося с красной тряпкой на разъярённых быков?

— Это полемическая статья, и некоторые её тезисы намеренно заострены и огрублены. Иначе писать полемические статьи не имеет смысла. То, что русские при всех своих вполне европейских ориентациях отличаются от других европейских народов, — это очевидность. И она демонстрируется всей нашей историей. В конце концов, только русские смогли освоить такое огромное и вообще-то неприветливое пространство, у которого треть территории — за Северным полярным кругом и которое сейчас называется Россией. И не только освоили.

Само собой, кроме русских, осваивали эвенки, чукчи и эскимосы. Мы создали мощное государство с высокой культурой и развитой индустрией. Это уникальный в человеческой истории подвиг. И об этом надо говорить откровенно.

Что касается буржуазности, я не вижу ничего дурного в желании людей жить хорошо. Или хотя бы сносно. Что такое буржуазность? У нас просто мистифицировано это понятие. Буржуазность — это такая благоустроенная в материальном и социальном отношении жизнь. Неужели наши сограждане не хотят спокойной и размеренной жизни? Хотя! В противном случае это было бы ненормально для людей вообще.

А для тех, кто желал бы подвига и эскапады, мы должны открыть возможности. Как в своё время эта возможность была открыта для тех, кто шёл в Сибирь и на Дальний Восток. И до сих пор Сибирь и Дальний Восток — неосвоенное пространство. Отчасти — и Урал. И я думаю, что доля людей, похожих на испанских конкистадоров, у русских выше, чем у других европейских этносов.

Но это не значит, что у других народов не было таких групп. А те же испанцы, пришедшие в Латинскую Америку? А англичане, которые создавали великую Британскую империю?

— Другое дело, что для русских — по крайней мере, до какого-то рубежа времени — было свойственно нестяжание... Разве не так?

— Идеал нестяжания, или скромность и бедность, возводимые в идеал, — следствие суровых условий нашей жизни. Россия в сельскохозяйственном отношении была и остаётся страной с рискованным земледелием. У нас из каждых трёх лет один год был неурожайным. Соответственно, приходилось потуже затягивать пояс. И тут так: нас до семидесятых годов прошлого века не было возможности вообще с кем-то сравнивать. Мы же жили в довольно замкнутом в культурном отношении мире.

Я не элиту имею в виду. Этот слой в Российской империи насчитывал всего три процента населения. А вот девяносто семь процентов простых русских и нерусских — крестьяне и рабочие, у которых горизонт был ближним. Они не знали, что происходит. Как будто пребывали за пределами мира! Как только у нас стал расширяться горизонт и появилась возможность регулярно выезжать за границу, начало меняться и наше представление о том, как нам надо жить.

— Вы говорите о гипотетическом среднем классе?

— Не только. Это характерно для всех, потому что все смотрят телевизор. А телевизор — это всё-таки окно в мир. И телевизор создаёт определённый стандарт. Этот стандарт можно ругать и критиковать как угодно, но это реальность.

— В своей книге «Кровь и почва русской истории» вы пошатнули краеугольные камни традиционной русской идентичности: «Ни православие, ни общинность, ни имперскость и т. д. не составляют квинтэссенцию русскости». Более того, вы утверждаете, что и русская культура не является её основой. А в другой работе, «Русская история: новое прочтение», уточняете: «Русскость — это кровь, кровь как носитель социальных инстинктов восприятия и действия. Кровь (или биологическая русскость) составляет стержень, к которому тяготеют внешние проявления русскости». Расшифруйте, что это за «стержень»?

— Кровь — метафора генной детерминированности, передачи ряда наследственных свойств. То, что многие человеческие свойства наследуются, факт безусловный. Вы просите расшифровки. Но эти комбинации не расшифрованы, наука ещё не достигла таких высот, однако существование этих комбинаций ею уже признаётся. Другое дело, что специалисты по генетике человеческих популяций не проецируют свои выводы в область истории.

А я вот попытался сделать некую, пока первичную, проекцию. В любом случае хотел подчеркнуть, что кровь и почва или гены и культура не столько воюют друг с другом, сколько друг друга дополняют. Потому что эти наследственные свойства той или иной предрасположенности всё равно раскрываются в определённом историко-культурном контексте.

Допустим, человек может быть одарён в музыке. Мы знаем, что одарённость музыкальная, художественная наследуется. Но если этот человек никогда в жизни не видел ни одного музыкального инструмента и не садился за него играть, эта его одарённость никак не проявится и умрёт. Значит, это не противостоящие друг другу понятия, а взаимодополняющие.

— Однако отчего-то говорят, что природа отдыхает на детях гениев.

— А это так называемые статистические закономерности. То есть некоторые вещи происходят значительно чаще, чем другие. Приведу один довольно забавный пример. У человека есть центр абстрактного мышления. Он локализован в области головного мозга. Так вот, статистически доказано, что у женщин он развит хуже, нежели у мужчин. На мужском уровне он развит только у трёх процентов женщин.

Но вопрос в том: мы активизируем свою способность к абстрактному мышлению или нет? Предположим, если мужчина перестаёт упражняться в мыслительном процессе, то эта способность у него умирает. И наоборот: если женщина занимается интеллектуальной деятельностью, эта способность у неё развивается.

— Был такой поэт, на протяжении всей своей жизни упорно размышлявший о свойствах крови. Это Юрий Влодов, которого, смею думать, я хорошо знал. Десять лет назад он покинул сей мир. И была у него визитная карточка:

Я — Боженька, гость, полукровка,
Не ведаю сам, кто таков...
Как некая божья коровка,
Всползаю по стеблю веков...

В начале девяностых он опубликовал статью, также полемически заострённую, — «Отчизна-мачеха». И там поведал о своём общении с Александром Трифоновичем Твардовским. Как тот «тестировал» его, приговаривая: «Кровь — штука непростая. Вот ответ: хотелось бы тебе, Юрий, попасти лошадей в ночном? Или — окунуться на Крещение в проруби?» Мой знакомый, по его собственному признанию, поёжился...

Чем вам не свойство крови? Я имею в виду желание искупаться в иордани — у одного и поёживания — у другого. Впрочем, на тему таинственных

проявлений крови толковали многие умы прошлого, да и — близкого для нас настоящего. Только исследования те, наверное, «благоразумно подзабыты»?

— Да их просто бояться! А если исходить из истории двадцатого века, то возникают серьёзные политические и культурные опасения...

— Вы — о евгенике?

— Да. Фашизм, расизм и тому подобное...

— Старейшина бардовского сообщества Александр Городницкий даже вывел весьма эффектную формулу: «Родство по слову порождает слово, / Родство по крови порождает кровь!» И всё-таки, когда мы рассуждаем о свойствах крови, речь идёт о какой-то этнической доминанте? Например, вы говорите, что если браки заключаются между русскими и украинцами, то на генном уровне происходит возврат к более чистому в этническом смысле перворусскому типу — общему для тех и для других. Чтобы так утверждать, необходимо располагать соответствующим научным материалом?..

— Действительно, я использовал обширный материал, которым располагает генетика. Читал журналы по генетике, где нашёл массу интересного — того, что подтверждало какие-то мои интуитивные предположения. Что касается браков между русскими и украинцами и того, что из этого следует, то здесь проявляется один из законов Менделя. Где-то в третьем-четвёртом поколениях происходит очищение, возвращение к некой первоначальной генной комбинации.

Но в конечном счёте всё равно доминирует один тип. Условно говоря, если ребёнок от смешанного брака русской женщины и чеченца на генетическом уровне будет чеченцо-русским, то кем он будет на культурном уровне — другой вопрос. Если он вырастет в чеченском ауле (забрали у мамы), он будет, конечно, чеченцем. Если он вырастет в русском городе (без папы), то, скорей всего, он будет ощущать себя русским. Но через одно поколение происходит возвращение к одной из этих комбинаций. Потомок этого рода будет либо русским, либо чеченцем.

— А какова же идентичность «серого кардинала» наших дней Владислава Суркова, пишущего литературные опусы под псевдонимом Натан Дубовицкий? Кстати, не так давно он отменился «программной» статьёй «Одиночество полукровки», где в «полукровки» определена целая страна — Россия.

— Я могу вам сказать, что Владислав Юрьевич в частных разговорах с гордостью заявляет, что у него нет ни капли русской крови...

— Об этом я тоже слышал.

— И как раз это для него — предмет его идентичности: он отталкивается от русских! А кем он себя считает, я полагаю, очень ситуативно. На культурном уровне мы свою идентичность часто определяем именно так — по ситуации. Скажем, в советское время дети от смешанных браков русских и украинцев чаще всего, по крайней мере, на Украине, записывались русскими. Это было престижно.

А в девяностые годы начался обратный процесс: они записывались украинцами. И когда на Украине происходила перепись, число русских там значительно сократилось. Вот вам, пожалуйста, ситуативный выбор идентичности.

— Вы пишете: «Ни один европейский народ никогда не потерял бы того, что русские терпят уже два десятка лет». И приводите рассказ о том, что однажды спросили у вас испанцы: «Есть ли в России предпосылки возникновения фашизма?» Вы ответили утвердительно. И тогда один из них напоследок воскликнул: «Если бы в Испании происходило то, что происходит в России, у нас вся страна бы восстала и стала фашистской!»

— Именно так!

— Значит, опять загадка русской крови: она не может стать фашистской? И дело тут не только в уроках Великой Отечественной?..

— Конечно, не только в уроках Великой Отечественной, хотя это очень мощная память, по крайней мере, для старшего и среднего поколения жителей России. Дело ещё в том, что наше пресловутое терпение носит довольно-таки рациональный характер. Исходя из опыта последних двадцати лет, мы очень хорошо понимаем, что может быть хуже.

Это одна из причин, по которой был так позитивно воспринят Владимир Путин и в его поддержке наличествовал широкий консенсус. Все сравнивали его приход с девяностыми годами минувшего века. И понимали, что было хуже. И что всегда может быть хуже. Сейчас — лучше. Да, это улучшение неравномерно: у кого-то, говоря метафорически, бутерброд намазан чёрной икрой, а у кого-то всего лишь тонким слоем масла, но тем не менее. Хотя бы — масло.

И на протяжении последнего десятилетия это обстоятельство сдерживало русских от неких радикальных требований и массовых выступлений. Однако сейчас ситуация стала меняться. И это заметно. То есть та заморозка, в которую была ввергнута Россия, заканчивается...

— Вы считаете, что слово «национализм» у девяносто процентов населения России вызывает негативные ассоциации. И выдвигаете прогноз: «Та сила, которая хочет добиться успеха в стране,

не должна называть себя националистической. Нужно отказаться от термина, оставив содержание». Но согласитесь: это же камуфляж! Зачем же в него облачатся?

— Для того, чтобы получить массовую поддержку. Потому что этот термин контрпродуктивен. Я говорю это совершенно откровенно и публично. До этого я пытался реабилитировать интеллектуальный термин «национализм», но интеллектуальная реабилитация неравносильна реабилитации в массовом сознании. В массовом сознании этот термин всё равно воспринимается негативно. У нас нет времени для растолковываний. Политика делается здесь и сейчас.

— *Что касается политики... Среди признаков двигающейся нестабильности вы называете рост цен на тарифы ЖКХ и акцизы — табак и алкоголь. И выводите закономерность: «То правительство, которое начнёт резко повышать акцизы, делает шаг навстречу потрясениям». Из ваших слов складывается впечатление, что в российском правительстве только тем и занимаются, что рубят сук, на котором сидят.*

— Это совершенно справедливое впечатление. Оно полностью соответствует действительности. История продемонстрировала удивительную, как будто фатальную закономерность: те режимы, которые обрушались вследствие потрясений в своих странах, за какое-то время до этих потрясений вели самоубийственную политику. Каждый их шаг ухудшал ситуацию для них же. В известном смысле это фрейдистский инстинкт.

Сильные мира сего сами идут к своей гибели. И, вы не думайте, это характерно не только для России. Это характерно для всех стран, где происходили серьёзные перемены. Почему вы удивляетесь тому, что власть делает эти шаги? Там не так много умных людей. Но даже если эти умные люди есть и они мыслят категориями общенационального блага, их руки связаны. Они находятся в рамках системы. А система эта — самоедская. Она пожирает саму себя. Просто уничтожает.

— *В своё время вы участвовали в событиях на Болотной площади. И вывели туда своих сторонников. В результате народ увидел на митинговой трибуне в основном примелькавшиеся, до боли знакомые лица. Известно, что один из идеологов русского национального движения Александр Севастьянов призвал бойкотировать Болотную площадь. Не испытываете ли вы чувство сожаления о том, в чём пришлось поучаствовать?*

— Нет, никакого сожаления я не испытываю. И считаю, что с нашей стороны выход на Болотную площадь — совершенно правильный шаг, потому что это был массовый подъём, который

имел моральную основу, и не участвовать в нём было просто невозможно. Это — одна часть.

Вторая состоит в том, что если бы в то время начались перемены (а они могли начаться!), политическая ситуация стала бы резко меняться. И совсем не в пользу тех, кто стоял на трибуне Болотной площади. Потому что могу вам сказать со всей определённой: на выборах они победить не могут. Черчилль как-то произнёс замечательную фразу: «Америка всегда принимает правильные решения после того, как испробовала все неправильные».

Мои американские знакомые, политические аналитики, как-то сказали: «Мы понимаем, что у либералов России нет шансов». Чтобы прийти к этой мысли, им потребовалось двадцать лет.

— *В одном из президентских посланий Федеральному Собранию прозвучала весьма мажорная сентенция о том, что наша страна преодолела спад рождаемости. Мне известна ваша реакция: вы очень удивились. Значит, президента кто-то дезинформировал? Какова на самом деле ситуация с рождаемостью и как она связана с миграционными процессами?*

— Ситуация с рождаемостью у русских и других коренных народов России такая же, как и была. Она не улучшается. Было незначительная, микроскопическая подвижка с введением материнского капитала, но принципиально ничего не изменилось. Рост рождаемости в России идёт за счёт мигрантов. Их женщины же рожают в наших роддомах. Причём это не граждане России. Насколько я знаю, например, в Москве на их долю выпадает больше трети новорождённых.

Поэтому, когда говорят о росте рождаемости, там кроется лукавство. Просто президенту подсунили цифры. Это же известный способ «порадовать» главу государства. Есть такая знаменитая фраза о том, что бывают три вида лжи: ложь обычная, ложь клятвопреступная и ложь посредством статистики. В данном случае мы сталкиваемся с третьим вариантом. Я не знаю, обманули ли Путина, но то, что он произнёс, мягко говоря, вещь статистически некорректную, для знающих людей совершенно очевидно.

— *Ваши недруги любят вменять вам работу в «Горбачёв-фонде», стажировку в Лондонской школе экономики и политических наук, участие в семинарах Госдепа США. Опираясь на эти факты, один из ваших оппонентов, профессор Владимир Бояринцев, нарёк вас «кукушонком, подброшенным „Горбачёв-фондом“ в гнездо русского национализма»...*

— Я ведь никогда эти факты биографии не скрывал. И считаю: очень хорошо, что я стажировался за границей и посещал такие семинары. Это расширило мой горизонт. Я знаю, как устроены

политические механизмы. Это очень важное преимущество.

— Тогда какова ваша оценка личности Горбачёва?

— Горбачёв оказался неадекватен тем задачам, которые он сам пытался поставить перед страной. Это человеческая трагедия. Не драма, а именно трагедия. Он начал процессы (помните это: «начать, углубить...»?), последствия которых никто не мог представить. Поверьте мне: я беседовал и с ним, и с бывшими членами Политбюро. Они были вполне искренни. Да и что им в отставке уже было скрывать?

Все они говорили примерно одно и то же: начали, но не могли до конца понять, куда направлять процесс. Это естественно. Когда начинаются такие тектонические сдвиги, их характер предсказать невозможно. Наверняка ваша активная память включает восемьдесят пятый—восемьдесят шестой годы? Вспомните, с каким энтузиазмом приветствовали Горбачёва! Чего греха таить: это же была массовая поддержка. Сейчас мы об этом предпочитаем забыть. Лучше—перевести стрелки на Михаила Сергеевича. Ну не надо! Нужно быть честными перед собой. Мы же это поддерживали. Сами того хотели.

— Среди политиков современной формации стало модным являться на публике с какой-нибудь «фишкой»: допустим, Егор Холмогоров ходит с тростью, приобретённой в Испании. Я сначала с чувством сопереживания подумал про этого сравнительно молодого человека: «Может, трость у него после инсульта?» Оказалось—нет: для внушительности. А вас можно часто увидеть в галстук-бабочке.

То бишь вы явно не Соловей-разбойник. Почему—бабочка? И какую роль она должна сыграть в новейшей отечественной истории?

— Я ценю ваше чувство юмора! Знаете, бабочка—потому что: а) мне идёт (обычный галстук—нет); б) мне она нравится; и в) могу вам сказать как пиарщик: бабочка хороша тем, что привлекает внимание. Это такой эффект, когда люди невольно его фиксируют. А это очень важно для того, чтобы их привлечь. Хотя бы в первые секунды. Дальше уже зависит от человека, его способности это внимание поддерживать. Носить её я стал лет пятнадцать назад. Покупал костюм, увидел бабочку, примерил по совету жены. Оказалось, это значительно лучше, чем обычный галстук.

— *Я в некоторой степени тоже физиогномист и скажу, что бабочка—как бы продолжение вашей улыбки...*

— Интересное наблюдение. Есть, конечно, в этом, откровенно говоря, какой-то элемент пижонства, но согласитесь: это пижонство очень умеренное. А потом, меня уже так воспринимают. Это ещё очень полезно знаете в каком смысле? Когда человек в бабочке говорит комплиментарные вещи о русском национальном характере или—просто о русских, в этой бабочке его очень трудно обвинить в ксенофобии. У людей наступает какой-то психологический барьер. А если вы выйдете к людям с окладистой бородой, да к тому же в косоворотке и сапогах, то ещё до того, как вы начнёте говорить, на вас уже поставят клеймо. Что делать! Так устроено массовое сознание. И те, кто его формирует, тоже мыслят стереотипно.